РУЛЬ

20 Pfennig

24. 11. 1927

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Gegründet von **I. Hessen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff †**

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНѢ

Berlin, 24. November 1927. Wochentag-Ausgabe Nr. 228

Подписная цѣна: Въ Берлинѣ и пригородахъ, съ доставкою ежедн. на домъ 4,30 герм. мар. въ мѣсяцъ, Во всѣхъ почт. учрежд. Германіи 4.30 герм. мар. въ мѣсяцъ (и по 36 пфен. почт. расх. за доставку). Внѣ Германіи въ Европ. страны: Австрію 8 шил., Англію 5 шил., Бельгію 7.50 бельга, Болгарію 150 лев., Венгрію 6 пенгс, Голландію 3.— голл. гульд., Грецію 100 др., Данію 4.50 д. кр., Данц. обл. 6.— гульд., Испанію 8.— пез., Италію 25 лиръ, Латвію 5.— латъ, Литву 11.— литъ, Норвегію 4.50 норв. кронъ, Польшу 1.— ам. долл., Португалію 20.— эскуд., Румынію 200 лей (для Бессарабіи 150 лей), Турцію 200 піастр., Финляндію 45 ф. мар., Францію 25.— фр. фр., Чехословакію 35.— чешск. кр., Швейцарію 6.— шв. фр., Швецію 4.— шв. кр., Эстонію 400 эст. мар., Югославію 60 дин въ мѣс. Во внѣевропейскія страны: Азію вост. 1.20 долл. ам., Азію зап. 5 англ. шил., Нид. Инд. 3.— голл. гульд., Америку вообще 1.20 долл., Аргент. респ. 1.80 зол. пезо, Бразилію 7.— мильр., Чили 12.50 бум. пезо; Африку, Англ. влад. 3 англ. шил., Итальянск. влад. 35 ит. лиръ, Франц. влад. 30.— франц. фр., въ мѣс. Къ заказу просятъ прилагать деньги во избѣжаніе замедленія высылки.

Объявленія: Цѣна въ золотыхъ марках:

20 золотыхъ пфенниговъ за миллиметръ (ширина строки) въ отдѣлѣ объявленій.
1 зол. марка 30 пфен. за миллиметръ въ текстѣ.
15 золотыхъ пфенниговъ за миллиметръ за объявленія о розыскахъ и смерти.
10 зол. пфенниговъ для врачей.
15 „ „ „ прис. повѣренныхъ.
10 зол пфен. за миллиметръ для ищущихъ мѣсто.
При крупныхъ заказахъ скидка по тарифу. Заграничныя объявленія по особому тарифу.

Основанъ **І. В. Гессеномъ, проф. А. И. Каминка** и **В. Д. Набоковымъ †**

Приемъ объявленій и подписки Berlin SW 68, Zimmerstraße 7-8. Редакція (тамъ же) открыта ежедневно отъ 11 час. утра до 2 час. дня. Редакторы принимаютъ ежедневно отъ 1/2 2 до 1/3 часа дня. Телефонъ редакціи и конторы Zentrum 7691 и 7305. Текущіе почтовые счета: Для Германіи — Berlin № 27156. Для Чехословакіи — Praha № 77354. Для Югославіи — Београдъ № 68020. Для Польши P. K. O. — Warzawa Dobro № 9668.

Сокращ. адресъ для телеграммъ Rulzeitung Berlin.

№ 2125-й | **Четвергъ, 24 Ноября 1927 г.** | **8-й г. изд.**

Сегодня въ номерѣ:

Ересь Троцкаго.
Письма изъ Болгаріи — Юр. Р.
По излучинамъ Урала — В. Правдухина («Кр. Г.»).
Русскіе въ Польшѣ — скаго.
Письмо изъ Гельсингфорса — Н. Ш.

ВЪ МОСКВѢ.

Берлинъ, 23 ноября.

Ересь Троцкаго

Оригинальностью мысли, какъ твердо установлено, не блещетъ ни русская революція, ни русскіе революціонеры. Они съ самаго начала выступали не столько даже какъ подражатели — считаютъ себя подражателями революціонеры разныхъ эпохъ часто и при томъ ошибочно — а какъ ученики и толкователи. Истина уже была у нихъ въ карманѣ, когда они выступили въ походъ, и имъ оставалось не примѣнять; значительная доля вліянія и авторитета Ленина на томъ и зиждилась, что онъ былъ признаннымъ толкователемъ готовой истины. На всѣ случаи жизни и исторіи — отвѣтъ уже имѣлся въ твореніяхъ отцовъ марксистскаго соціализма; надо было только отыскать и истолковать этотъ отвѣтъ, а толкователь и былъ на лицо, — это необыкновенно облегчало политическую работу, придавая ей сплоченность и единство и укрѣпляло положеніе комментатора — максимума.

На самостоятельность не было и притязаній и если въ результатѣ все же получилось нѣчто неожиданное и достаточно оригинальное, то — по недоразумѣнію, въ силу неудачнаго, неумѣлаго примѣненія. Впрочемъ, и другое присоединялось иногда для полученія того же эффекта — заимствованіе у противника, прикрываемое тою же оболочкой толкованія своего. Такъ, «аграрный» плагіатъ у народниковъ былъ Ленинымъ выданъ за большевицкое достиженіе; а потомъ за такое же достиженіе были выдаваемы всѣ послѣдовательныя большевицкія пораженія.

Самостоятельными мыслями не блистали большевики — тѣмъ болѣе слѣдуетъ оцѣнить одну мысль Троцкаго, которая, какъ это естественно, прошла почти незамѣченной, хотя онъ настойчиво ее и обосновывалъ и осуществлялъ, и которая въ марксистской обстановкѣ нашего времени имѣетъ всѣ основанія быть признанной оригинальной. Именно Троцкій неуклонно отстаиваетъ то положеніе, что революціи не происходятъ, а дѣлаются.

Конечно, не Троцкій первый выставилъ такое положеніе, — бланкисты всѣхъ временъ его отстаивали и вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе народники издавна превозносили «роль личности въ исторіи». Весьма возможно, что психологически убѣжденіе Троцкаго сложилось подъ этими вліяніями, прошедшими сквозь его честолюбіе и самоупоенія. Тѣмъ не менѣе ни въ порядкѣ подражанія бланкистамъ или народникамъ, ни въ порядкѣ плагіата у нихъ не выставилъ Троцкій своего взгляда, столь рѣзко расходящагося съ общепризнаннымъ въ современности — и не у однихъ марксистовъ — представленіемъ о революціи. Самъ Троцкій цѣликомъ погруженъ въ марксизмъ, всецѣло стоитъ на пониманіи исторіи какъ безличнаго классоваго процесса, какъ безличнаго претворенія производительныхъ силъ. Но къ этому онъ присоединилъ вынесенное изъ опыта убѣжденіе, что для того, чтобы реализовать эти безличные массовые процессы, претворяя ихъ въ революцію, необходимо произвести во время сознательное и организованное вмѣшательство. Безъ такового революціи не происходятъ, или во всякомъ случаѣ отсрочиваются на совершенно неопредѣленное время.

Это убѣжденіе и ощущеніе положилъ Троцкій въ основу своихъ объясненій октябрьскаго переворота, выдвинувъ свою личную, рѣшающую по его мнѣнію, роль въ петербургскомъ совѣтѣ, — что и послужило главной причиной или поводомъ разрыва съ «партіей». На этой идеѣ основано было его тактическое разногласіе въ китайскомъ вопросѣ, гдѣ онъ требовалъ не участія въ разсѣянномъ стихійномъ движеніи, а — большевицкаго октябрьскаго перелома. Въ этомъ и основа его расхожденія съ «партіей» въ дѣлѣ міровой революціи; всѣ большевики стоятъ за нее и всѣ марксисты считаютъ, что она потенціально налицо; исходя изъ этого Троцкій и думалъ, что ее надо — «дѣлать». Повидимому на той же основѣ построилъ онъ и нынѣшнюю свою «оппозицію». Какъ и всѣ, онъ видитъ всеобщее озлобленіе, въ частности — среди безработныхъ и угрожаемыхъ безработицей, на коммунистической периферіи, чувствующей себя обойденной, среди коммунистическихъ старовѣровъ, усматривающихъ въ пораженіяхъ — предательство, среди коммунистической молодежи, натасканной на неосуществляющіеся лозунги. Чувствуя, что стихіи противодѣйствія и переворота потенціально на лицо, что онѣ наростаютъ, онъ, видимо, и рѣшилъ революцію «сдѣлать», — чтобы она не продолжала потенціально существовать и наростать еще неопредѣленно долго.

Стихіи озлобленія, дѣйствительно, разыгрываются; но тяготѣютъ ли онѣ въ ту сторону, куда хочетъ ихъ направить Троцкій — вотъ вопросъ. Въ октябрѣ онъ «дѣлалъ революцію» въ томъ же направленіи, куда устремлялись стихіи; въ Европѣ эти разрушительныя силы изо дня въ день утихомиряются; въ Россіи онѣ направляются въ противоположную сторону. И потому, будетъ ли дѣланіе Троцкимъ революціи сейчасъ такъ же успѣшно, какъ и въ Октябрѣ — вѣроятно, ему самому еще не ясно; недаромъ онъ нынѣшнюю свою революцію называетъ «оппозицій» и ведетъ «налѣво» отряды, части которыхъ во всякомъ случаѣ слѣдовало бы идти «направо».

Но практика Троцкаго, а въ особенности его теорія — единственное самостоятельное слово въ большевицкомъ идейномъ багажѣ — наводитъ на иныя мысли. Пусть даже революціи нельзя «сдѣлать», а только можно ей содѣйствовать сознательно и организованно; но вѣдь не одинъ же Троцкій способенъ на то и на другое. И если стихіи противодѣйствія совѣтовластію наростаютъ, то не одинъ же Троцкій ихъ слышитъ и — надо думать — не одинъ онъ способенъ на попытки ихъ использовать. И если сдѣлать это рѣшатся и сумѣютъ и другіе, то движеніе коммунистической оппозиціи откроетъ болѣе широкій періодъ — общаго потрясенія совѣтовластія.

На московской партійной конференціи Раковскій выступилъ съ 40-минутной рѣчью, въ которой онъ рѣзко критиковалъ внѣшнюю политику совѣтскаго правительства, нападая на Чичерина и Сталина. Раковскій заявилъ, что его отозваніе изъ Парижа было нужно не Бріану, а Сталину. Не смотря на то, что Чичеринъ и Литвиновъ неоднократно обѣщали Раковскому, что онъ не будетъ отозванъ — его все-таки отозвали и о своей отставкѣ онъ узналъ изъ газетъ. Послѣ словъ Раковскаго на конференціи начался невѣроятный скандалъ. Политбюро спѣшно командировало на конференцію Карахана, Луначарскаго и Розенгольца. Послѣдній весьма нелестно характеризовалъ дѣятельность Раковскаго въ Лондонѣ и утверждалъ, что совѣтско-британскій конфликтъ въ значительной степени произошелъ благодаря неумѣнію Раковскаго, который наобѣщалъ англичанамъ черезчуръ много. Поправить ошибки Раковскаго его преемникамъ оказалось уже невозможнымъ. Караханъ и Луначарскій иронически говорили, что Раковскій во что бы то ни стало желаетъ жить въ Парижѣ, а не въ Москвѣ, только этимъ объясняются его клеветническіе выпады противъ Чичерина. Раковскій съ мѣста кричитъ: «ложь». Представители ЦК огласили на конференціи рядъ писемъ Раковскаго къ лидерамъ рабочей оппозиіи.

Изъ Саратова сообщаютъ, что на партійномъ собраніи тамъ выступилъ Квирингъ, котораго оппозиціонеры, состоящіе главнымъ образомъ изъ комсомольцевъ, забросали гнилыми яблоками. Возбужденъ вопросъ о роспускѣ саратовской комсомольской организаціи.

Центральный комитетъ усиленно старается привлечь въ коммунистическую партію новыхъ членовъ. Въ Москвѣ съ этой цѣлью было созвано большое собраніе безпартійныхъ, на которомъ выступали Бухаринъ, Луначарскій и Крупская, рисовавшіе въ самыхъ радужныхъ краскахъ заботы совѣтскаго правительства и коммунистической партіи о благѣ народа.

Фишелевъ и нѣкоторые другіе оппозиціонеры, содержащіеся во внутренней тюрьмѣ на Лубянкѣ, предаются суду верховнаго трибунала по обвиненію въ контрреволюціонныхъ дѣяніяхъ. Обвиненіе взялъ на себя Крыленко.

Комиссаріатъ иностранныхъ дѣлъ началъ энергичную кампанію, какъ въ совѣтскихъ, такъ и въ нѣкоторыхъ заграничныхъ газетахъ съ цѣлью доказать воинственные замыслы Польши. Эта кампанія должна подготовить выступленіе совѣтской делегаціи въ Женевѣ съ указаніемъ на то, что пока Польша не уменьшитъ своихъ военныхъ приготвленій, армія СССР также не можетъ быть уменьшена.

Извѣстный украинскій коммунистъ Аусемъ, членъ ЦК партіи, въ послѣднее время занимавшійся пропагандной работой въ Турціи, вернулся въ Харьковъ, гдѣ началъ организовывать оппозиціонныя группы. На подпольномъ собраніи, гдѣ предсѣдательствовалъ исключенный изъ партіи Борисовъ, Аусемъ заявилъ, что послѣ 15-го съѣзда всѣмъ оппозиціонерамъ придется уйти въ подполье и организовать вторую партію. Послѣ этого Аусемъ выступилъ на закрытомъ собраніи комячейки электрическаго завода. Его появленіе было встрѣчено криками: «Зачѣмъ ты пріѣхалъ изъ Турціи?» Аусемъ пытался говорить, но подъ вой и свистъ собранія былъ принужденъ уйти. Ячейка приняла резолюцію, требующую исключенія Аусема изъ партіи.

Опять Аркосъ.

Константинополь, 22. 11.

Полиція производящая слѣдствіе по дѣлу объ арестованныхъ коммунистахъ установила, что константинопольское отдѣленіе «Аркосъ» финансировало тайный комитетъ, цѣлью котораго была подготовка коммунистическаго переворота.

Письма изъ Болгаріи.

V.

ПАРТІИ И ПЛЕМЕНА.

Царь Борисъ вернулся изъ за границы и сразу же началось оживленіе въ политическихъ сферахъ. Въ воздухѣ чувствуется близость какихъ то перемѣнъ, но въ чемъ онѣ выразятся никто еще не знаетъ.

Положеніе осложняется тѣмъ, что главная политическая сила современной Болгаріи «Демократическій Сговоръ» — организація громоздкая и мало оформленная, нѣчто среднее между партіей и партійной коалиціей. Начало свое Демократическій Сговоръ ведетъ отъ «Девятаго Іюня» — отъ того смѣлаго переворота, который лѣтомъ 1923 года въ одну ночь смелъ диктатуру земледѣльцевъ и создалъ въ Болгаріи новый строй.

Девятое Іюня было дѣломъ небольшой сплоченной организаціи, тѣсно связанной съ арміей и съ запаснымъ офицерствомъ. Въ ея средѣ были члены всѣхъ партій — кромѣ земледѣльцевъ и коммунистовъ, разумѣется — и не было ни одного изъ партійныхъ лидеровъ.

Среди членовъ новаго правительства не было ни одного имени, извѣстнаго всей странѣ. Но молніеносный переворотъ встрѣченъ былъ съ такой радостью, что политическій престижъ его авторовъ создался въ одинъ день, вѣрнѣе въ одну ночь. Старымъ политическимъ партіямъ оставалось только поддержать возникшую власть. Собственный ихъ авторитетъ былъ въ это время крайне низокъ: у всѣхъ въ памяти стояла ихъ неудачная борьба со Стамболійскимъ и позорный ея конецъ — избіеніе и тюремное заключеніе вождей. Контрастъ между этой горестной эпопеей и побѣдоноснымъ переворотомъ былъ слишкомъ великъ.

Всѣ партіи — отъ крайне правыхъ либераловъ до соціалъ демократовъ сплотились вокругъ новаго правительства; эту поддержку и сочувствіе надо было какъ то закрѣпить и оформить.

Члены организаціи, устроившей переворотъ, попытались сперва положить начало новой партіи «народнаго Единства». Но фундаментъ для правительства получался слишкомъ узкій. При всей блѣдности партійныхъ программъ и отсутствіи всякихъ почти различій между ними, партійныя связи въ Болгаріи отличаются большой цѣпкостью. Партія — источникъ всѣхъ благъ, для гражданина источникъ власти и всяческаго благополучія, и потому естественно, что въ каждой партіи имѣются свои, хотя немногочисленные, но плотно сколоченные кадры.

Эти старые кадры необходимо использовать. Между «девятіюньцами» и ставшими на ихъ сторону партіями завязались длительные и сложные переговоры. Правительство желало сліянія въ одну новую партію. Старые лидеры, державшіеся за свое положеніе, предпочитали коалицію. Первое мнѣніе возобладало, и въ результатѣ этого осенью 1923 года возникъ Демократическій Сговоръ. Правда, въ него вошли не всѣ группы, привѣтствовавшія переворотъ. Отпали прежде всего либералы — старая австрофильская партія, долгіе годы управлявшая Болгаріей, теперь обезсиленная своей тяжкой отвѣтственностью за военное пораженіе, но все же не уничтоженная и не утратившая надежды на будущее. Между либералами и всѣми остальными партіями слишкомъ велико историческое раздѣленіе — еще со временъ «руссофильства» и «австрофильства» и идти по одной дорогѣ они не смогли. На противоположномъ флангѣ откололись соціалъ демократы, сохранившіе вѣрность своему марксистскому знамени.

Такимъ образомъ въ Демократическій Сговоръ вошли три партіи: народники, демократы и радикалы. Народники — прекрасно организованная партія, когда то чередовавшаяся съ либералами у власти, партія старыхъ руссофиловъ, цѣликомъ вошла въ Сговоръ. Демократы тоже обладающіе довольно широкими связями въ странѣ расколоись. Ихъ вождь Малиновъ, освобожденный благодаря перевороту изъ тюрьмы, куда его упрятали земледѣльцы, не смогъ примириться съ тѣмъ, что пер-